

V I S U M

ЖУРНАЛ ПСИХОАНАЛИЗА И ФИЛОСОФИИ

II

V I S U M

Журнал психоанализа и философии

Том 2 (2018)

Учредитель и главный редактор: Д. Лобачев

Редактор: Д.Лобачев, В.Тимофеева

Авторы материалов: Д.Лобачев, Д.Ольшанский, Ж.Шухевич, Э.Рудинеско

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакция не несет ответственности за достоверность представленных материалов.

Все права на материалы принадлежат их авторам.

Контакты:

vk.com/lacan_analyse

facebook.com/lacananalyse

dmitry4lobachev@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ**a die**

Вступительное слово о том, что все серьезное – серийно...3
Дм. Лобачев

ratio essendi

Семинар: история издания.....4
Эл. Рудинеско

К проблеме реальности у Фрейда.....9
Ж. Шухевич

ratio agendi

Любопытствующий субъект Дмитрий Ольшанский15
Дм. Ольшанский и Дм. Лобачев

ad vocem

Из истории французского психоанализа: Р.Левенштейн..19
Дм. Лобачев

...ИТАК, МЫ ПОЛАГАЕМ, ЧТО ЯЗЫК СОЗДАЛ В СВОИХ МНОГООБРАЗНЫХ ПРИМЕНЕНИЯХ СЛОВА "ЛЮБОВЬ" ЧРЕЗВЫЧАЙНО ПРАВИЛЬНУЮ СВЯЗЬ И ЧТО

МЫ НЕ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ НИЧЕГО ЛУЧШЕГО, ЧЕМ ПОЛОЖИТЬ ЭТУ СВЯЗЬ В ОСНОВУ НАШИХ НАУЧНЫХ РАССУЖДЕНИЙ И ОПИСАНИЙ. ЭТИМ РЕШЕНИЕМ ПСИХОАНАЛИЗ ВЫЗВАЛ БУРЮ НЕГОДОВАНИЯ, КАК БУДТО ОН БЫЛ ВИНЮ ПРЕСТУПНОГО НОВШЕСТВА. И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ПСИХОАНАЛИЗ НЕ СОЗДАЛ НИЧЕГО ОРИГИНАЛЬНОГО...

"ЭРОС" ФИЛОСОФА ПЛАТОНА ЦЕЛИКОМ СОВПАДАЕТ В СВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ, РАБОТЕ И ОТНОШЕНИИ К ПОЛОВОМУ АКТУ С ЛЮБОВНОЙ СИЛОЙ, С ЛИБИДО ПСИХОАНАЛИЗА.

З.ФРЕЙД

БУДЕМ ПОМНИТЬ: СЕРЬЕЗНОЕ – СЕРИЙНО.

Второй номер журнала делать куда сложнее, чем первый. Первому номеру можно простить многое - ошибки, промахи, упущения. Ко второму же выпуску требования выдвигаются значительно более жесткие, и в первую очередь – со стороны самих создателей. Устоять на ногах сложнее, чем сделать первый шаг, закончить фразу – каждый знает это на своем опыте – сложнее, чем начать ее произносить. С другой стороны, сама идея журнала уже не висит в воздухе – есть точка опоры в лице первого номера, и это вселяет уверенность, которая нас облагает, как и большой ответственностью, так и большим оптимизмом.

Работу над журналом можно сравнить с психоаналитическим процессом – первые встречи аналитика и анализанта, как и читателя с журналом, это лишь этап знакомства, момент, когда возникает какая-то первичная связь между ними. Оба участвуют в символическом действии, но его характер и содержание для них еще не прояснено. Несомненно, чем опытнее аналитик, тем проще ему понять смысл происходящего. Однако, в случае журнала, имеем ли мы право требовать от читателя опытности?

Однозначно ответа у меня нет, но прислушавшись к некоторым пожеланиям и отзывам читателей касательно первого номера VISUM`а, я пришел к выводу, что аудитория, которая ознакомилась с журналом – все же довольно опытная, поднаторевшая в прочтении философских и психоаналитических текстов, и для того, чтобы ее сохранить и увлечь в совместное интеллектуальное путешествие – требуются дополнительные усилия. И содержание нового номера должно отразить мое стремление – это и интервью с Дмитрием Ольшанским, перевод текста Элизабет Рудинеско, наконец несколько уникальных статей – одна об аналитике Рудольфе Левенштейне, другая о реальности, какой ее понимал Фрейд, вышедшая из-под пера моего коллеги Жана Шухевича.

Отрадно понимать, что наша работа - создать пространство, лишённое академизма, и в тоже время, позволяющее говорить о серьезных вещах серьезно, или с юмором – кому как больше нравится -- пусть медленно – но движется. Хочется верить, что в будущем к нам присоединится еще больше людей - не только замечательных авторов, но и не менее замечательных читателей.

Закончить же я хочу воспоминаниями Миллера из его эссе «Жизнь Лакана». Мне кажется, что этот абзац наиболее полно передает те чувства, которые испытываю сейчас я, дописывая это неловкое вступление: *««Серьезное – серийно», - повторял Лакан на своем семинаре: не бросать начатого, не говорить стоп, всегда думать о последствиях, взвешивать их заранее и, во что бы то ни стало, не закрывать на них глаза, выпивать чашу до дна. Аналитик, который во имя добрых намерений идет на попятную, - при виде такого можно лопнуть от смеха».*

На попятную мы не пойдем, а с тем, что все серьезное – серийно спорить не будем.

D'un discours qui ne serait pas
du semblant

СЕМИНАР: ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ

э.рудинеско

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Séminaire de
Jacques Lacan,
faculté de droit,
1970. À droite,
sa secrétaire
Gloria Gonzalez.
Photo extraite
du livre *Album
Jacques Lacan,
visages de mon père*,
par Judith Miller,
éd. du Seuil, 1991.

Семинар
Ж.Лакана,
юридический
факультет, 1970.
Справа его
секретарь,
Глория Гонзалес.
Фото из книги
Джудит Миллер
"Альбом Жака Лакана:
образы моего отца".
Изд. du Seuil, 1991

СЕМИНАР: ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ

Э. Рудинеско¹

После того, как «Письмена» Лакана вышли из печати, а работа Фрейдского поля была налажена, Лакан столкнулся с проблемой издания собственных семинаров. Эта работа вызвала у него такие же проблемы сохранения и переработки материалов, как и другие тексты.

Я уже рассказывала богатую на события историю о том, как Семинар пришел к необходимости быть записанным. Новые документы позволяют восстановить это повествование немного более точно, поэтому для начала попробуем рассмотреть основные моменты этой истории.

Еще в начале 1953 года Лакан пригласил стенографистов записывать его Семинар. Эти записи передавались Владимиру Гранову, который был отвечал за библиотеку Французского Психодинамического общества, а затем представлялись участникам Общества. Три года спустя, и до 1959 года, Жан-Бертран Понталис, с одобрением Лакана, делал превосходные изложения семинаров «Объектные отношения», «Образования бессознательного», «Желание и его интерпретация».

Примерно в 1960 году, Соландж Фолейд предложила Лакану свои услуги секретаря, чтобы улучшить качество стенографических протоколов. У нее также появилась идея использовать магнитофон для записей, что и было сделано в 1962 году. Кроме этого, многие слушатели делали заметки, которые также являлись значительным источником информации. Сам Лакан часто раздавал копии своего семинара в качестве подарков и собственноручно редактировал их. Вокруг слов Маэстро постепенно начинает формироваться культ. После того, как была открыта ПШФ, Лакан, опасаясь «воровства» его идей, отныне не позволял кому-либо хранить копии, однако не протестовал против сокращенных конспектов, которые свободно ходили среди его слушателей. В 1963 году группа из клиники Ла Бурже, Жан Оури, и Жаннет Мишо помогли в распространении сотни копий семинаров, созданных на основе аудиозаписей. Когда же в ПШФ была создана библиотека, они отдали туда черновики и Николая Селс, библиотекарь, устроил их в архив с помощью Джерома Тайландье.

Лакан поощрял распространение своих семинаров, но относился к этому с опаской; эта двусмысленность была частью его отношения к своей работе. Он точно так же, как и при издании «Писаний», нуждался в помощнике, который взял бы на себя хлопоты по превращению лакановского устного слова в письменное. И единственным человеком, который мог бы выполнить эту задачу, был Франсуа Валь (Wahl), остающийся редактором Лакана в издательстве Seuil.

В 1970 году работа была доверена Жаку Нассифу, философу из Высшей нормальной школы и ученику Альтюссера, который поступил в аспирантуру под руководством Поля Рикера. ПШФ обязалась заплатить Нассифу гонорар совместно с издательством Seuil; он же обязывался работать над двумя семинарами в год, начиная с шестнадцатого семинара «D'un Autre à l'autre» - «От Другого к иному». Однако, идея с мертвой точки так и не сдвинулась.

В 1972 году Жак-Ален Миллер, вдохновленный успехом «Анти-Эдипа» Делёза и Гваттари, текст которого был создан как на основании письменных, так и устных источниках, принялся работать над девятым Семинаром, который символизировал вхождение Лакана в Высшую нормальную школу.

¹ Текст представляет собой перевод главы «History of the Seminar» из книги Э. Рудинеско «Jacques Lacan» (р.413-427). Перевод выполнен по английскому изданию книги 1997 года, издательства Columbia University Press. Перевод текста любительский и подготовлен для некоммерческих целей. Перевел и подготовил Дмитрий Лобачев.

Миллер отправился в Италию и спустя месяц выпустил версию Семинара, основанную на сокращенном варианте текста.

Лакан одобрил это, и Seuil составило проект контракта, где он числился как единственный автор, а сам же текст должен был появиться в серии под названием «Семинар». Лакан единожды прочел контракт и обратился к Полю Фламану, чтобы внести некоторые изменения. Лакан хотел, чтобы название серии было более ясное и предложил вариант «Семинары Жака Лакана», сопровождаемое заголовком и номером каждого тома.

Он также указал, что роль Миллера была недооценена и запросил для человека, от которого будет зависеть будущее проекта, большего гонорара. Конечный вариант контракта был подписан всеми заинтересованными сторонами, и предусматривал, что Миллера следует рассматривать как соавтора некоторых «указанных» текстов, за которые он несет ответственность. Было также решено, что работы должны появляться в серии «Фрейдово поле». Лакан же получил дополнительный процент в качестве редактора всей серии книг.

Название «Семинар» и идея деления целой серии на пронумерованные тома принадлежали Миллеру. Тот порядок, в котором они должны были появиться на свет также отражало «миллерианское» представление об истории «лаканианства». Первый семинар, который был опубликован в феврале 1973 года, был одиннадцатым в списке. Он был прочтен в 1963-1964 годах, и совпал с разрывом Лакана с Международной психоаналитической ассоциацией, его появлением в Высшей нормальной школе, а также знакомством с будущим соавтором.

Именно выбор 1963-1964 годов, обозначил тот период, когда началось «миллерианское» толкование работ Лакана, послужившее точкой разделения всех семинаров на «до» и «после Миллера». Возникшая схема подразумевала что что каждый год должны появляться семинары из обоих «периодов». Ранние семинары были представлены книгами с первую по одиннадцатую в хронологическом порядке, однако для «позднего» периода порядок будет обратным – первым будет наиболее позднее сочинение Лакана.

Но этот план оказалось невозможно следовать. Прежде всего, Миллер вскоре отказался от выпуска двух семинаров в год. Затем, он прекратил подчиняться собственным правилам: после появления книги XI в 1973 году, другие тома вышли в 1975 году: книга I (1953-1954) и книга X (1972-1973). Далее прошло три года до того, как в 1978 году появилась книга II (1954-1955). Затем еще через три года прошло до книги III (1955-1956). Между 1974 и 1977 годами у Миллера вошло в привычку расшифровывать фрагменты последних семинаров в своем журнале

«Ornicar?») (книги XXII, XXIII и XXIV). После смерти Лакана, и вовсе ничего не осталось от былых договоренностей, и семинары издавались без особого порядка или периодичности: книга VII (1959-1960) появилась в 1986, а книга VIII (1960-1961) в 1991 году, в то же время, что и книга XVII (1969-1970).

Хотя Миллер заимствовал слово «etablissement» («создание») из литературной традиции, чтобы описать подготовку текстов семинара, этот термин также отражает историю маоизма во Франции. После майских событий 1968 года, слово «etablissement» было применено к решению активистов отправиться работать за фабричными станками, по-французски «etabli» - «верстаком, станком»). Это также было названием места на автомобильных заводах, где старший работник собирал двери автомобилей, прежде чем они крепились к самой машине.

При создании Семинара, Миллер сделал превосходную расшифровку различных стенографических версий. Он устранил двусмысленности, отредактировал вольности, проработал пунктуацию. Главным достоинством его работы было то, что он оживил и представил дискурс, уже недоступный в его предыдущих версиях. Недостатком было то, что он закрепил за текстами Лакана барочность и постоянную обремененность (gestating). Автором получаемого материала, в результате, был Миллер, но его гарантом – Лакан. Таким образом, Семинар не был «Лакановским» или «Миллеровским», хотя отражал содержание доктрины, которая, хоть и оставаясь лаканианской, все чаще подвергалась собственным интерпретациям Миллера.

В то время как Франсуа Валь, благодаря своей редакторской работе, сумел превратить «Писания» Лакана в действительно эпохальное событие, чью значимость сложно переоценить, творение же Миллера постигла не столь однозначная судьба. Вокруг публикации «Писаний» не было никаких споров и противоречий, хотя несомненно, они вызвали и большую критику. Стоило бы, вероятно, переиздать этот magnum opus Лакана, снабдив его дополнительными примечаниями и вариантами. Однако, если это и будет сделано, то на основе оригинального издания Валя. Никому не придет в голову сомневаться в подлинности текста, поскольку он существует уже более четверти века, все знают о том, что именно Лакан – их единственный и подлинный автор, хотя, несомненно, издатель оставил свой след в эти текстах. И если исследователи сравнивают варианты текстов, они делают это без желания указать на оплошности существующей версии. Никто не мечтает об «пиратском» издании Письмен, претендовавших на большую подлинность, чем издание Валя и т.н. оригинальных версий Лакановских лекций.

Отношение Валя к Письменам заключалось в свободной работе свободного человека. Он просто оставил Лакана единственным автором произведений, которые легли в основу теории, положения которой оказались зашифрованы в письменной форме.

Ситуация с Семинаром же сильно отличается. Когда Миллер бросил Лакану вызов касательно транскрипции семинаров, он уже изначально представлял миллеровскую интерпретацию работы Маэстро. Миллер не был просто редактором, как Валь, он был человеком со своими убеждениями и семейными интересами, и фактически присвоил себе статус соавтора. Вместо того, чтобы представить текст в письменном виде сам по себе, оставаясь за его пределами, он стал обладателем – как юридическим, так и теоретическим этих работ. Это стремление к господству проявляется еще более очевидно в издательских приемах Миллера, которые состояли в максимальном упрощении и без того сокращенного текста, по сравнению с оригинальным вариантом.

Миллер, враждебный ко всем проявлениям академического дискурса, хотя он был его продуктом, решил обойтись без того исследовательского аппарата, который

действительно необходим в такого рода публикациях. В соответствии с его политическими взглядами и прагматизмом, он нацелил Семинар на «массы»; т. е. на новое поколение психоаналитиков, поколение после мая 1968 года, представителем которого он, собственно, и стал. Поэтому, публикация Семинара не включала в себя какие-либо дополнительные материалы, помогающие читателю понять множество сложностей, встречающихся в текстах: никаких заметок, никаких указателей, никакой критики и библиографии.

Однако, Миллер сделал попытку исправить некоторые ошибки Лакана. Например, он редактировал цитаты от Бальзака или Ла Рошфуко до Мюссе или Гюго, неверно используемые греческие понятия, ошибки в именах, концепциях. Кроме того, он не настаивал на том, что Лакан должен внимательно читать и пересматривать собственные тексты. Казалось, что он намеренно пытается подчинить себе научное мышление для преобразования лакановского дискурса.

Несомненно, Лакан оказал поддержку всему предприятию, состоявшемуся одновременно с его великим путешествием на планету Борромеевых узлов. Но когда на свет появился XI семинар, Маэстро был раздосадован, но не из-за того, как была издана его работа (с ошибками и без дополнительных материалов), а из-за Франсуа Валя и Поля Фламанна, на которых он полностью возложил ответственность за опечатки в тексте и особенно в некоторых диаграммах, которые Лакан, в то время, считал особенно важными в своем учении. Лакан назвал книгу «исключительным мусором», и в качестве компенсации потребовал, чтобы рукопись Пьера Легандра (Pierre Legendre), «L'Amour du censeur» («Любовь цензора»), которая все еще ждала своего часа, была опубликована в лакановской серии книг.

Поль Фламанн был вынужден подчиниться условиям Лакана, напомнив ему между делом, что собственно и не собирался отказываться от рукописи.

Итак, Лакан полностью поддерживал работу своего зятя. Но он не разделял его представлений о характере издания. В своем предисловии к XI семинару, он использовал слово транскрипция (- выделено Э.Р.) и отметил, что работа Миллера не была написана в прямом смысле слова, и что на самом деле Миллер был человеком, который издал книгу, но не написал текст, и что изложение воспроизводится без утраты какого-бы то было устного слова. Другими словами, Лакан сравнивал стенограмму с математикой: полноценный перевод, способный адекватно воспроизводить на своем собственном уровне информацию о произнесенном слове.

Миллер в своей краткой пояснительной записке занял противоположную позицию. С одной стороны, он, как автор, ни на что не рассчитывал, с другой стороны, что его интерпретация полностью вытесняла оригинальные сокращенные версии текстов. «Я сразу не рассчитывал на что-либо, но попытался вынести из устных речей Лакана надежный источник, который в будущем сойдет за оригинал, которого не существует». Затем он добавил: «Тексты, относящиеся к каждому году Семинара, будут изданы в соответствии с теми же принципами».

Эти два подхода совершенно противоречили друг другу. Лакан утверждал, что Миллер был единственным автором расшифровки текста, который не заменяет оригинал, но полностью восстанавливает его. Тем временем Миллер утверждал, что ничего не изменяет в записях, автором которых является Лакан, но в то же время он заявил о них, как о фундаментальных текстах, имеющих наибольший юридический и теоретический вес.

Короче говоря, Лакан дал корректное определение интерпретации Миллера в научной терминологии, в то время как Миллер заложил основы того положения вещей, при которых он стал фактически полномочным распорядителем над наследием Лакана, хотя в то время властью он еще не обладал... /продолжение следует/

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛЬНОСТИ У ФРЕЙДА Ж.Шухевич

Метапсихология Фрейда целиком и полностью держится на взаимоотношениях психических элементов внутри самой психики. Понятия «реальности» и «восприятия», используемые Фрейдом имеют либо функциональный по отношению к этой системе характер либо апеллируют к естественному опыту, т.е. никак не концептуализируются. Какова же судьба мира, в котором существует психическая реальность субъекта в понятийном ряду

Фрейда? Ответы стоит искать как раз в тех работах, которые с этим миром и работает, т.е. объясняют те или иные социальные явления.

Одной из самых характерных работ о социальности является «Психология масс и анализ человеческого "Я"», которая была написана Фрейдом в 1921 году. Начинает он ее с описания теории психолога масс, Гюстава Лебона, изложенной на страницах «Психологии масс» в 1895 году. В общем это и есть знакомство с феноменом. Фрейд никоим образом не касается своего личного опыта, он всю свою теорию строит исходя из теорий других исследователей масс, полагаясь на их авторитетное мнение. Одним из таких авторитетных источников и является Гюстав Лебон.

Здесь стоит на секунду отвлечься и указать условия, в которых проводится научная работа Гюстава Лебона. В 19 веке и начале 20 появляется множество исследователей, которые пытаются ответить на вопрос о специфике новых политических образований. Одним из ключевых феноменов, который требует нового обоснования является «масса». В устанавливаемом вопросе («что это такое и как оно функционирует?») ключевую важность составляет тот момент, что ответ на него подразумевает политическую нагрузку. По отношению к вопросу масс было сформировано два лагеря. Консервативные и либеральные авторы (Лебон, Тард, Ортега-и-Гассет, Канетти, Юнгер, Шпенглер и т. п.) в своих исследованиях ведут речь о «восстании масс» и видят в них пугающий, иррациональный феномен, а другие, которых можно условно причислить к придерживающимся социалистских взглядов (Маркс, Ленин, Троцкий, Грамши, Альтюссер и др.) рассматривают «массу» как чуть ли не единственно возможный фундамент справедливого и правильного политического устройства, и субъекта учредительной власти. Тем не менее, ссылки на авторитетный источник в виде энциклопедии нам не достаточно, стоит все же прояснить: в чем же состоит та пугающая иррациональность с точки зрения консервативного лагеря?

Основные идеи Лебона изложены еще в первой главе Фрейдовского текста, но мы вынуждены обратить внимание на то каким образом Лебон составляет исследование. Буквально на первых страницах он пишет:

«Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства. Цивилизация предполагает существование определенных правил, дисциплину, переход от инстинктивного к рациональному, предвидений будущего, более высокую степень культуры, а это все условия, которых толпа, предоставленная сама себе, никогда не могла осуществить».

Еще через несколько страниц Лебон наконец приходит к определению объекта и предмета исследования, что открывает для читателя суть проблемы, которую, собственно, и призвана решать его научная работа:

«Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их

образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности».

Еще ниже мы находим одну из причин, по которой Фрейд выбрал именно Лебона для комментирования:

«Для того, чтобы хоть несколько разъяснить себе эти причины, мы должны вспомнить одно из положений современной психологии, а именно то, что явления бессознательного играют выдающуюся роль не только в органической жизни, но и в отправлениях ума. Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. Наши сознательные поступки вытекают из субстрата бессознательного, создаваемого в особенности влияниями наследственности».

Краткая демонстрация выдержек работы Лебона имеет целью не столько продемонстрировать его аргументы, сколько указать на постановку задачи, метод исследования и цели. Легко предсказать, что исследование, которое артикулирует выводы вроде «сила толпы направлена лишь к разрушению» в самом начале работы — обречено. К сожалению, именно практическая ценность его труда мешает трезво взглянуть на исключительную специфику рассматриваемого им феномена, которая блестяще отражена им же самим во второй, приведенной выше, цитате и которая дословно приведена Фрейдом как первая цитата Лебона в качестве постановки проблемы. Особого внимания заслуживает «психологический» аргумент, вокруг которого строится текст. Этот, позже ставший типичным ход рассуждения, который приписывает чему-то новому и пугающему «бессознательный» характер будет пользоваться большой популярностью в прикладном психоанализе. Кстати, технически это выглядит вполне выверено: бессознательное как система также неизвестно и пугающе как и тот объект, что вызывает в человеке страх.

Возможно, как раз представление о бессознательности толпы не позволило Фрейду лично соприкоснуться с феноменом, прежде чем начать свое исследование. Ведь именно противопоставление рационального мышления безудержному аффекту предполагает отсутствие интеллектуальной способности проводить полевое исследование по отношению к человеческой толпе. Так или иначе, консервативный взгляд Лебона по-своему отражается на консервативном взгляде Фрейда: последний

Легко предсказать, что исследование, которое артикулирует выводы вроде «сила толпы направлена лишь к разрушению» в самом начале работы - обречено.

начинает свою работу с указания на то, что индивидуальная психология легко способна ответить на вопросы, возникающие с феноменом массообразования. Фрейд же говорит о том, что уникальными характеристиками массы обладают и некоторые другие социальные активности. Такой взгляд характеризуется целью, которую ставит себе Фрейд в его исследовании: «Нам интересно найти психологическое объяснение душевного изменения, происходящего в отдельном человеке под влиянием массы». Это выражение стоит понимать следующим образом: Фрейд рассматривает не социальный феномен, а индивидуальный. Такой подход к решению задачи заранее создает несколько проблем, одной из которых является прояснение отношений не «массы» как целого по отношению к чему бы то ни было, как, например, делает тот же Гюстав Лебон, а индивида, как элемента массы, к другому индивиду в этой самой, вроде как исследуемой, «массе». В результате, конечным итогом исследования будет не представление о том, что такое масса, а представление о том, что происходит в

психике индивида по отношению к другому индивиду во время нахождения в массе. Это может являться составной частью ответа на глобальный вопрос, которым задается Лебон, но ею он никак не исчерпывается.

Поэтому основные вопросы, которыми задается Фрейд — это характер специфического отношения к другому специфическому индивиду. Причем даже с учетом последующего текста самого Фрейда и его разбора исследований других теоретиков массообразования, представление о том, что индивид может обладать отношением к массе безотносительно посредничества другого индивида Фрейдом не рассматривается. Такой подход имеет огромную ценность для нашей задачи. Во-первых, это характеризует индивидуальную психологию Фрейда. Лебон описывает массу как набор людей, которые временно лишились индивидуальности. Индивидуальная психология Фрейда такого себе позволить не может. Пожалуй, она может прийти к описанию процессов в индивиде, которые в итоге давали бы схожий результат, но предметом такой психологии не может быть ничего кроме индивида, а значит его «временная потеря индивидуальности» — фикция. Грубо говоря, если для Лебона, Ортеги-и-Гассета и политических вызовов на которые они отвечают, «масса» — это уникальный феномен, который должен подразумевать определения новых качеств человека, то для Фрейда — это та же индивидуальная психология, только в профиль. Во-вторых, подобная установка указывает на путь, по которому строится восприятие «психоаналитической реальности». Осталось только описать его в тех понятиях, которыми пользуется в этом тексте сам Фрейд.

В первую очередь Фрейда интересует вопрос внушения, во многом потому что с этим феноменом он имел дело во врачебной практике. Формулируя в очередной раз теорию либидо, а так же объясняя тонкости понятия сексуальности в психоанализе, Фрейд берется описывать те массы, функционирование индивида в которых ему объяснить легче всего. Фрейд говорит, что в церкви и войске культивируется одно и то же обманное представление и, для особо непонятливых читателей, добавляет в скобках — иллюзия. Это представление состоит в том, что полководец или Христос каждого отдельного члена массы любит равной любовью. При этом, сила с которой ставится такой акцент на обмане читателю не объясняется. Понятие обмана в психоанализе вызывает целое множество вопросов. Ответить на них мы попытаемся чуть ниже. Далее Фрейд делает предположение по поводу двух необходимых связей в массах, которые, по его мнению, создаются работой либидо: связь с вождем и связь индивидов между собой. Пока это лишь предположение: Фрейд размышляет о любви и нарциссизме, эгоизме и альтруизме, описывая механизмы, которые по образу и подобию напоминают те, что происходят в массе. Самое интересное начинается тогда, когда Фрейд переходит к описанию психических механизмов, которые предполагают отношение к объекту.

Фрейд различает два механизма «идентификацию» и «объектную связь» (или «объектный выбор», что, по сути, одно и то же) . Используя, уже ставший классическим, пример Эдипова комплекса, Фрейд дает определения некоторым понятиям: идентификация — это самое раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом, которое всегда носит амбивалентное значение. Объектная связь является более поздним типом связи и поэтому из объектного выбора можно регрессировать до идентификации. Идентификация — это то чем хотят быть, объектный выбор — то, чем хотят обладать. Логично, что прежде чем чем-то обладать нужно чтоб было чем обладать, поэтому первое является более ранним механизмом чем второе. При регрессии от объектного выбора до идентификации объект может быть интроецирован и внутри индивида продолжится развитие отношений между «Я» и «объектом». И тут Фрейд начинает говорить о «Я-идеале». Дело в том, что появление «Я-идеала» в этой книге описывается немного иначе, чем в том же «Я и Оно» (там это понятия используется как синоним Сверх-Я. Но логика-то одна: это некая инстанция, которая произрастает из

отношения «Я» к энергетически нагруженному (важному) объекту и занимается регуляцией этого отношения. Более того, здесь Фрейд открыто говорит о том, что Я-идеал — это инстанция, которая отвечает за проверку реальности. Оказывается, то суждение, которое «Я-идеал» совершает над «Я» и есть некоторый отзвук реальности. И это уже не то представление о реальности, которое оторвано плавает среди понятий, это вполне конкретная инстанция, способная конкретно определить: что реально, а что нет. Как мы помним из «Я и Оно» инстанция Сверх-Я (или Я-идеал) является первым намеком на структурирование реальности, которое осуществляется через отношение объекта к воспринимаемому. Фрейд же, описывая индивида, всегда приписывает активность именно ему, поэтому перевернуть это утверждение несложно: отношение воспринимающего к объекту. А теперь добавим к этому тот факт, что Я способно видоизменять действие Я-идеала на себя, в зависимости от уровня идеализации некоего сексуального объекта, который появляется как раз при преграждении прямого сексуального удовлетворения. Собственно, формирование Я-идеала и обозначено таким преграждением, поэтому изменение его действия подчиняется тем же условиям, что и появление. Соединив предыдущие утверждения, мы получим: заторможенное сексуальное стремление способно изменить восприятие реальности. В этом нет ничего нового, сам Фрейд неоднократно говорит о корреляции любовной идеализации и общего восприятия, здесь интересен сам прецедент: мера реального определяется мерой отношения. Причем, мерой этого отношения служит как раз специфика развития и функционирования Я-идеала. Он, в любом случае, появляется как последствие отказа от сексуального стремления через известную роль отмены объектного выбора и идентификацию. Именно поэтому любое восприятие, как оказывается, будет в итоге состоять в этой самой идентификации или объектной связи.

**...эпистемология
психоанализа будет
напоминать утверждение
«человек видит то, что
хочет видеть»,
только не как метафору, а
как буквальное желание**

С такой концепцией эпистемология психоанализа будет напоминать утверждение «человек видит то, что хочет видеть», только не как метафору, а как буквальное желание. Теперь нужно указать, что представление о реальности с точки зрения психоаналитической теории обязано своим существованием заторможенному сексуальному влечению и не только по способу формирования (Я-идеал) и действию (идентификация), но и потому что самое это представление ничто иное как идеализация.

Собственно, без заторможенной сексуальной деятельности «мира объектов» не существует, существует только конкретный желанный объект. Более того, теперь становится понятным не только первоначально кажущееся иррациональным стремление Лебона отказать толпе в осознанном существовании, но и реакция научной общественности на теорию Фрейда, который объявил сексуальные влечения основным мотивом человеческой деятельности. Ведь именно заторможенность и избегание сексуальных проявлений и являются по сути путями формирования реальности.

Стоит на время отвлечься от нашей находки реальности и обратиться к самому важному техническому элементу. Как работает восприятие? Ответить, с учетом прочитанного, можно следующим образом. Восприятие может быть двух видов: через стремление к воспринимаемому в объекте или через стремление к самому объекту, с учетом того отношения, который объект проявляет к индивиду. Проще говоря, опосредованно или напрямую. Каждый из этих видов может осуществляться как через идентификацию, так и через объектную связь. Фрейд уделял множество внимания переживанию представлений, их местонахождению и влиянию друг на друга. То же самое он делает и в этой работе, тем не менее, только отсюда можно выделить

способы восприятия, во многом именно благодаря тем элементам, за которые принимается Фрейд как только начинает исследование: специфике отношения индивида и характеристикам объекта к которому этот индивид относится. Фрейд не мыслит массу без вождя: измененное состояние сознания в толпе — это просто вариант отношений гипнотизера и гипнотизируемого. Отсюда можно выделить восприятие через идентификацию напрямую: я вижу гипнотизера потому что гипнотизер обладает способностью внушения по отношению ко мне. Пока совершенно непонятно стоит ли начинать с восприятия и заканчивать мотивацией или наоборот. По стоит придерживаться того мнения, что все восприятие работает одновременно и в одну и в другую сторону. Сам Фрейд часто попадает в подобную ловушку, когда формулирует отношения некоего стремления и объекта. Что первично: появление стремления или прелесть воспринимаемого объекта? Пожалуй, это будет одной из тех трудностей, решение которой стоит оставить до лучших времен.

И все же стоит сказать, что нейтральных объектов с точки зрения новоприобретенного понятия реальности не существует и существовать не может. Если объект оценивается нейтрально, значит его попросту нет. Мир состоит из объектов, которые вызывают стремления. Именно поэтому т.н. «мифологическое восприятие» (которое по большей части ничем не уступает «реальному») воспринимает вещи одушевленно. Именно поэтому в клиническом и прикладном психоанализах нет речи об отношениях человека и вещи. Это истории отношений с другими людьми или вещами других людей. Вся реальность психоанализа очеловечена и состоит из людей и их отношений. В этом смысле понятие «психической реальности» теряет свою необходимость — не зря же Фрейд дает инстанциям названия под стать личным местоимениям. С этим актуализируется проблемный вопрос: каким образом мы отделяем внутренние восприятия от внешних. Навскидку мы можем дать ответ, который Фрейд дает в работе 1915 года, где говорит о том, что противоположность «Я» и «не Я», которая соответствует внутренней и внешней реальности является следствием поразному функционирующих влечений и внешних раздражений. Если вторые можно успокоить с помощью «мускульных действий», то от первых — никуда не деться. Причем такая беспомощность может быть преодолена только одним способом — удовлетворением. Проблема состоит в том, что и внешнее восприятие служит удовлетворению, которое руководит и вниманием, и интересом. Загадка состоит здесь именно в «мускульных действиях», которые представляются ничем иным как «изменяющим реальность действием» из «Толкования сновидений». К сожалению, специфика действия у Фрейда выделена так же скудно, как и характеристика восприятия, поэтому этот вопрос нам предстоит оставить.

Теперь вернемся к вопросу мифологизации и иллюзии. Мы пришли к тому, что реальность предстает в восприятии антропоморфной. В работе «Будущее одной иллюзии» Фрейд пишет о том, что «религиозные представления вышли из той же потребности, как и все другие достижения культуры, — из необходимости защитить себя от подавляющего превосходства природы.». Такой подход предполагает, что восприятие не было дано таким как оно есть с самого начала, оно претерпело некоторое развитие. С этим легко согласится, наше представление о реальности соотносится с уже функционирующей инстанцией Сверх-Я или Я-идеала, просто потому что сам аппарат не подразумевает никакой внешней реальности до появления этой инстанции или ее раннего прототипа. Но также в утверждении Фрейда есть и иное возражение нашему взгляду, содержательное: фатализм с которым описывается превосходство природы над человеком очевиден. Если копнуть глубже, то мы попадаем в некую психоаналитическую загадку уровня «курица или яйцо», которая состояла бы в определении более первичного уровня восприятия: через страх или через желание. Иная формулировка загадки может быть ближе к тому языку, которым пользуется Фрейд в этой работе, когда составляет первобытному человеку задачу преодоления своей

детской беспомощности взаимоотношений со взрослыми. Что было раньше: любовь к матери или ощущение беспомощности перед отцом? Что было раньше: стремление или избегание, ощущение удовольствия или неудовольствия?

**Что было раньше: любовь к матери или ощущение беспомощности перед отцом?
Что было раньше: стремление или избегание, ощущение удовольствия или неудовольствия?**

Такой набор вопросов риторического характера создает проблему, быть может и искусственную, которая возникает на границе индивида и реальности и может именоваться восприятием. Но что если та самая холеная беспомощность человека есть лишь побочный продукт его стремления к осуществлению желания? Ведь чтобы ощутить себя беспомощным нужно иметь представление о могуществе, а чтобы чувствовать

беспокойство, необходимо хотя бы раз побывать в ощущении покоя. С такой точки зрения превосходство природы — это барьер, который возникает в системе доисторического восприятия по направлению к воспринимаемому. Бушующие силы природы наделяются душами, именами и свойствами потому что они могут быть любимы и даже в какой-то мере приручены. Они существуют такими, потому что человек их замечает, а делает он это потому что они представляют интерес и, в результате, пользу. С такой точки зрения страх отца в Эдиповом комплексе — это следствие желания быть на его месте, которое хранит память о собственном всемогуществе, которое, в свою очередь, состояло в, как минимум, отсутствии границ между психикой и физикой.

ЛЮБОПЫТСТВУЮЩИЙ СУБЪЕКТ ДМИТРИЙ ОЛЬШАНСКИЙ

Дмитрий Ольшанский не нуждается в представлении – его имя и сочинения и без того известны для всех, кто интересуется современным положением дел в психоанализе в России и Восточной Европе. Однако, мне очень хотелось взглянуть, как это принято в психоанализе, «по ту сторону» его личности, понять, что стоит за «Дмитрием Ольшанским». По ту сторону я обнаружил очень любопытный любопытствующий субъект...

VISUM: *Психоанализ - по словам Фрейда – это невозможная профессия. В Восточной Европе – я позволю себе такое обобщение – этой невозможной профессии только предстоит, вероятно, обрести должный статус, каким он обладает на Западе. И тем не менее, с каждым годом, все больше и больше людей приобщаются к психоанализу в той или иной форме, скажем, получают образование, сами ложатся на кушетку, или просто интересуются им, посещая лекции и читая статьи. Как вы можете объяснить этот процесс? Какое будущее психоанализа вы видите в связи с этим?*

Дм. Ольшанский: Восточная Европа очень разная, поэтому обобщать довольно сложно. Например, в Чехии, где я сейчас часто бываю, существует несколько психоаналитических объединений, ориентированных на совершенно разные фигуры: Кляйн, Балинта, а

Институт психоанализа в Праге носит имя Отто Фенихеля. Польша больше ориентирована на Лакана, а Словенская школа психоанализа по большей части философская и не занимается клиникой. Так что всюду психоанализ приживается очень по-разному, поэтому подводить общих знаменатель довольно сложно.

Если говорить о возрастающем интересе к психоанализу по всему миру, то вызван он, как мне кажется, тем обстоятельством, что ни одна другая практика в современном мире (ни наука, ни религия, ни искусство) не дают столь ясного и эффективного способа самопознания, как психоанализ. Мы видим, что в тех культурах, где основной ценностью основным фокусом внимания является самобытное человеческое существование, где человек заявляет о себе как о сингулярном субъекте, там, как правило, психоанализ быстро занимает лидирующие позиции. В тех же странах, где центральной ценностью является овеществление субъекта и фетишизированное счастье и успех – ведущую роль начинают играть когнитивные науки, психология и психотерапия (т.е. прямая противоположность психоанализа). Так, например, произошло в Соединённых Штатах Америки, где психоанализ фактически перестал существовать в 1960е годы.

VISUM: Почему вы решили стать психоаналитиком? Что вдохновило вас стать на этот путь, каков был «соблазн», а главное – было ли что-то, что пугало и вселяло тревогу при выборе этой профессии?

Дм. Ольшанский: На этот вопрос существует множество ответов. И когда начинаешь заниматься анализом самого себя, то в эффекте последствия вспоминаешь множество событий, которые привели тебя именно в эту профессию.

В 13 лет я увидел сон, где ренуаровская девушка в красном берете заговорила со мной по-французски (тогда я совершенно не знал этого языка). «C'est ma bol» - сказала она мне, протягивая кружку кофе. Я совершенно не понял, что это значит, но подумал, что слово «боль» имеет значение не только по-французски, но и по-русски. «Получается, что мой сон может воспроизводить то, чего не знает моя голова» - подумал я, и в этот день открыл «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда, и в этот же день открыл для себя своё бессознательное. С тех пор именно им я и занимаюсь.

В восемь лет я получил травму, причиной которой было моё желание, и больше ничего. Тогда я впервые увидел, что такое влечение к смерти. Словом, я всегда интересовался тем, что происходит у меня в психике, а Фрейд очень вовремя оказался под рукой и во многом помог мне прийти в анализ.

В четыре месяца ещё произошёл первый эпизод моей стадии зеркала. Который потом почти дословно повторился в анализе и стал началом второй пересборки моего говорящего субъекта. Вероятно, было ещё что-то раньше. Может быть, я это скоро узнаю.

VISUM: Достаточно просто сформулировать что должен знать психоаналитик о себе, своей профессии, практике, ну и разумеется, теории. Но можете ли вы ответить на вопрос – чего не должен знать психоаналитик?

Дм. Ольшанский: Уилфред Бион говорил, что психоаналитик начинает каждый сеанс, не имея ни памяти, ни знаний. С этим можно полностью согласиться: знания – главный враг психоаналитика. Лучше если он не знает вообще ничего. Как Сократ, он должен уверенно упорствовать в своём незнании, ведь другие этого не могут и то и дело скатываются в дискурс господина и начинают преподавать психоанализ как академическую дисциплину.

Почему знание нам не товарищ? Об это у Лакана даже есть отдельный семинар «Знание психоаналитика» (1971/72), где он говорит как раз о том, что знание преграждает путь к истине субъекта и является основным источником сопротивления. А сопротивление, как мы знаем, всегда исходит со стороны аналитика. То есть его знания. Когда я что-то знаю, я перестаю слушать и перестаю воспринимать истину субъекта в её становлении, моё знание подводит общий знаменатель под речь пациента, заземляет её на мои представления о структуре. Поэтому в идеале психоаналитик должен отказаться от каких бы то ни было знаний, и превратить свою профессию в искусство слушать означающие и обращаться с наслаждением, которое за ними скрыто, а самого себя сделать объектом внутри этого наслаждения.

VISUM: Вы, кажется, никогда напрямую не называли себя «лаканистом», однако фигура Лакана непременно присутствует в ваших работах, лекциях и выступлениях. Почему именно Лакан заинтересовал вас, чем он привлек внимание среди многих других наследников Фрейдова дела?

Дм. Ольшанский: Да, я не называю себя лаканистом. Потому что лакановскими аналитиками могут быть только его непосредственные пациенты и ученики, а я никогда не был в анализе у Жака Лакана (и вообще мы с ним разминулись на этом свете на

неделю) и, следовательно, сквозь горнило его техники не проходил, пасс в его Школе не совершал. Какой же я лакановский аналитик?

Во-вторых, само понятие «лаканист» сегодня до такой степени скомпрометировано, что Жерар Хадад даже предложил, и довольно метко, называть «лаканоидами» тех людей, которые додумывают и дописывают за Лакана то, чего он никогда не говорил, паразитируют на его творчестве, занимаются толками и перетолками, а зачастую приписывают ему совершенно невероятные собственные фантазии. К сожалению, это уже целая индустрия: различные школы, институты и музеи штампуют на конвейере так называемых «лаканистов», которые знакомы с психоанализом лишь по книжкам, семинарам и ликбезам, но совершенно ничего не знают о клинике и не владеют самыми начальными азами техники. Даже пишутся учебники по клинике Лакана, в которых нет ни одного клинического случая Лакана, то есть тотальная профанация. Ничего удивительного, что слово «лаканист» в России стало сегодня синонимом болтологии и дилетантизма.

В-третьих, для меня психоанализ – это наука о своём собственном сингулярном пути, и в жизни, и в профессии. И ни в жизни, ни в профессии мне никогда не хотелось быть частью какой-то стайки, поэтому «-измов» и больших скоплений лаканоидов я предпочитаю избегать. Когда в уставе организации я читаю, что «мы не имеем никаких других задач, кроме как ориентироваться в мысли Лакана», я понимаю, что мне с ними не по пути. Кстати, поэтому мне более интересны те аналитики, кто отошёл от школы и сумел проложить собственный путь в психоанализе и создать собственную ориентацию в аналитическом мышлении (такие как Феликс Гваттари, Франсуа Рустан, Юлия Кристева, Рене Мажор, Михаэль Тюрнхайм, Андре Грин), нежели последовательные переливатели лаканизма из пустого в порожнее. Я понимаю и уважаю точку зрения Лакана, который говорил «вы можете быть лаканистами, а я был и остаюсь фрейдистом», но сам я предпочитаю говорить иначе: «вы можете быть фрейдовскими или лакановскими, а я ольшанский психоаналитик».

VISUM: *Возможно, если кратко, ответить на вопрос - как нужно читать Лакана? Существует ли какая-то стратегия или тактика прочтения его работ? Возможно, нужно медитировать перед чтением, или, скажем, Лакан хорошо читается на голодный желудок?*

Дм. Ольшанский: Всё, что Лакан писал (а точнее говорил, потому что 30 томов «Семинаров» - это прямая речь) нужно читать лишь как пример аналитической мысли. Блестящий пример, но для меня его работы не являются ни образчиком, ни руководством к действию. Это размышления очень талантливого (даже гениального) аналитика, который действовал, исходя из собственного наслаждения. Вот этому-то и стоит у него поучиться. А как он там в 1960е, а потом в 1970е годы определял тот или иной термин для моей практики не имеет никакого значения. Принимать Лакана за азбуку или за инструкцию по лечению, дебатировать о том, что там на самом деле хотел сказать Лакан по тому или иному поводу – это значит полностью выпасть из психоаналитического поля, игнорировать собственное наслаждение в языке. Психоанализ – это всегда о себе, а не о Лакане. Хорошо бы об этом помнить всем так называемым «лаканистам».

Представьте себе, как один поэт читает стихи другого поэта. Определённо, он ищет у коллеги какого-то вдохновения или способа повлиять на собственный голос. Но если он начинает заимствовать у предшественника художественные образы и рифмы, то это называется плагиатом. Точно также и психоаналитик, который начинает копировать в своей практике чьи-то чужие разработки и чужую технику, в лучшем случае, пребывает в стадии ученичества. Ещё и поэтому «лакановский аналитики, основной задачей которых является сохранение лакановской практики», на мой взгляд, в принципе не могут называться аналитиками.

Если уж на этапе вхождения в профессию и искать у Лакана какие-то практические примеры, то стоит читать его клинические случаи, которых осталось немало, все презентации больных, начиная с 1970 года записаны и доступны для чтения.

VISUM: *И наконец, последний вопрос: Гераклита называли «плачущим философом», потому что он оплакивал ошибки людей. Демокрита наоборот, называли «смеющимся», ведь человеческая глупость его постоянно смешила. А каким бы словом, или словами, вы могли бы описать себя?*

Дм. Ольшанский: Хорошая компания: Гераклит, Демокрит и Ольшанский. Как «Гомер, Мильтон и Поняковский». Раз уж мне предложено оказаться в этой компании, то любопытство – главное моё качество. Да и вообще главное человеческое качество, на мой взгляд.

Мы искренне признательны Дмитрию Ольшанскому за интервью.

Беседовал Дмитрий Лобачев

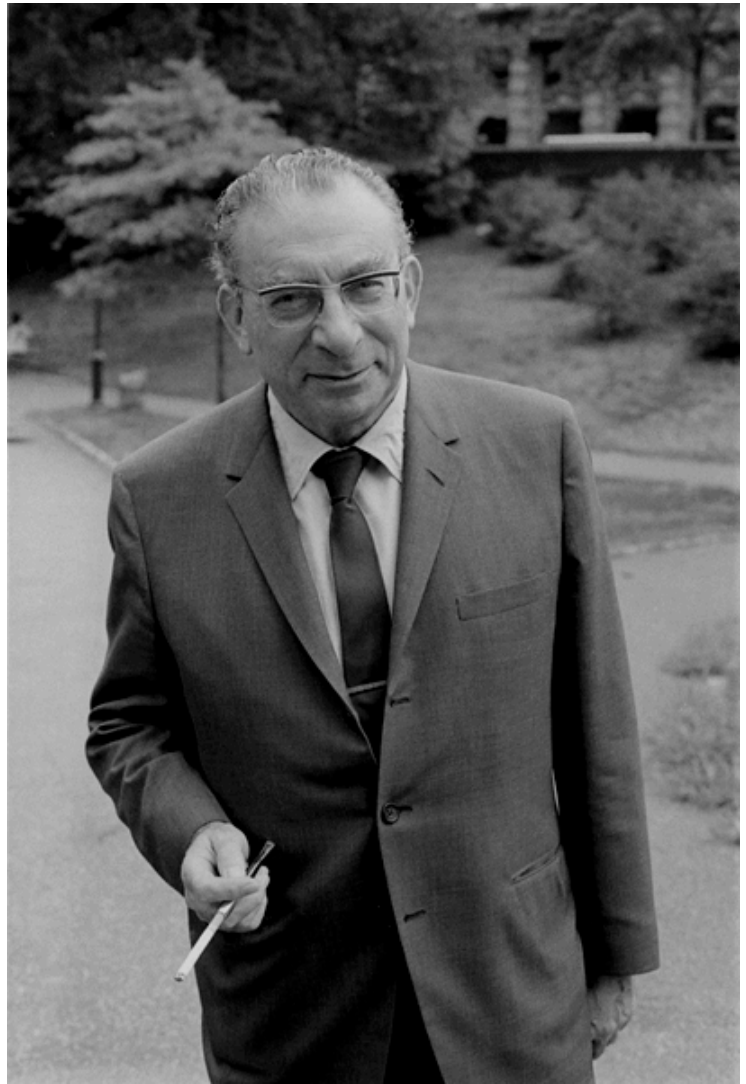
Из истории
французского
психоанализа:
Рудольф Левенштейн
Дм. Лобачев

Имя Рудольфа Левенштейна достаточно часто вспоминается в психоаналитическом пространстве. Однако, несмотря на это, русскоязычный читатель весьма мало знаком с его личностью. Главным образом, имя Левенштейна появляется рядом с именем Лакана, и известен он в общем-то, благодаря конфликту, произошедшему между ними. Однако, Левенштейн интересен и как самостоятельная фигура, аналитик, чей вклад в развитие психоанализа и т.н. эго-психологии нельзя придавать забвению.

Рудольф Левенштейн (Rudolph Maurice Loewenstein) родился 17 января 1898 года в самом сердце Польши, в городе Лодзь, что в ста километрах на юг от Варшавы. Левенштейн происходил из еврейской семьи из Галиции, что не помешало ему получить медицинское образование на родине, а в качестве области научной деятельности он выбирает неврологию, одну из наиболее сложных медицинских дисциплин, которая в девятнадцатом веке только начинала развиваться, а для амбициозного еврейского юноши (мы можем вспомнить и Фрейда, с его выбором специализации) этот путь был бы тернист, но многообещающ.

В поисках наставника, Левенштейн обращается к швейцарской школе неврологии, и переезжает в Цюрих, где становится учеником Эйгена Блейлера. Вероятно, именно благодаря Блейлеру Левенштейн знакомится с психоанализом, и со временем это станет его профессией. Для получения образования и освоения практики, Левенштейн едет в Берлин. Так, например, есть свидетельства о том, что 21 марта 1922 года прочел в Берлинском психоаналитическом объединении доклад на тему «О психоанализе черной мессы». Его содержание для нас остается неизвестным, однако название отсылает к весьма мрачной теме, и в дальнейшем Левенштейн еще будет обращаться к таким мрачным феноменам – черным мессам или антисемитизму. Личный психоанализ он проходит в Германии, у Ганса Загса, и оканчивает его вероятно, в 1925 году, тогда же, когда вступает Немецкое психоаналитическое общество.

В начале практики его супервизирозом был, по-видимому, Макс Эйтингон. Эйтингон, к слову, сыграл не последнюю роль в развитии психоаналитического общества, и заслуживает несколько слов о себе. Он был меценатом, соратником

Фрейда, который за собственные деньги создал несколько психоаналитических объединений, библиотек и институций. Кроме того, именно он создал ту систему образования – дидактический анализ и супервизорский контроль – которая до сегодняшнего дня актуальна в МПА².

Именно Эitingтон рекомендовал Левенштайна Рене Лафоргу, для обучения других аналитиков во Франции. В целом это соответствовало идее Фрейда – создать во Франции образовательный центр, и потому молодой, талантливый, а главное преданный делу Фрейда Левенштейн как никто лучше подходил на эту роль. И так, Левенштейн отбыл во Францию, в Париж, где, как уже известно, психоанализ все еще не имел ни должного распространения, ни даже достаточного количества аналитиков, которые могли провозить обучающий анализ (собственно, сертифицированным аналитиком была только Евгения Сокольниковка). По началу его материально поддерживали Мари Бонапарт и Рене Лафорг (что весьма интересно, учитывая обвинения последнего в пособничестве нацистам и разделении их взглядов). С Мари Бонапарт его связывали более близкие отношения. Левенштейн анализировал Бонапарт, когда она не была у Фрейда в Вене (интересный случай «двойного» анализа, сразу у двух аналитиков), он также был аналитиком ее сына. Одно время даже ходили слухи о романе между принцессой и Левенштейном.

Однако, кроме проведения обучающих анализов, Левенштейн, будучи знакомым с текстами Фрейда в оригинале, должен был внести порядок в теоретический хаос, царивший во среде французских психоаналитиков. Так, например, в 1928 году, он и Мари Бонапарт впервые переводят на французский фрейдовский «Случай Доры»³. Теперь, наконец, должны были исчезнуть сложности связанные с пониманием «истерии», однако этого не произошло из-за бесконечной терминологической, а также теоретической путаницы. Французские психоаналитики все еще метались между собственно Фрейдом, неврологией и психиатрией, и целостного понимания «что такое психоанализ?» все еще не было. Благодаря тому, что Левенштейн прекрасно владел несколькими языками, он часто занимался переводами; в 1935 году он переводит, все также совместно с Бонапарт «Пять лекций Фрейда о психоанализе».

В 1930 году Левенштейн получает французское гражданство, но этого недостаточно для начала практики. Как и Саша Нашт, который приехал в Париж из Румынии, так и Левенштейн, получивший диплом в Польше, он должен был сдать специальный экзамен для французской комиссии, которая подтвердила бы его диплом. В Париже Рудольф Левенштейн не теряет времени, спустя пять лет он защищает докторскую диссертацию по теме: «Психоаналитическая концепция мужчины сексуальная импотенция». Его руководителем был небезызвестный врач Анри Клод, поддерживающий развитие психоаналитических идей среди своих учеников.

Наиболее известным анализантом Левенштейна был никто иной, как сам Жак Лакан, начавшийся в июне 1932 года. О том, как проходил этот анализ нам доподлинно неизвестно до сих пор, но из обрывков информации, мы можем судить о том, что на кушетке у Левенштейна Лакан бунтует и спорит. Его не устраивает продолжительность встреч, он самовольно прерывает их, а также читает психоаналитическую литературу, против чего решительно выступал сам Левенштейн, будучи приверженцем ортодоксальной техники. «Неудивительно, - пишет Дьяков, - что Лакан сбежал от него при первой же возможности, пообещав как-нибудь вернуться. В доверительных разговорах с друзьями он говорил, что Левенштейн недостаточно умен, чтобы

² International dictionary of psychoanalysis, p. 988-989

³ E. Roudinesco - Jacques Lacan, p.19

анализировать его»⁴, кроме этого, Лакан упоминал Левенштейна как о наиболее «разочаровывающем» наставнике⁵.

Вспору задаться вопросом – так ли был плох Левенштейн? При всей симпатии к Лакану и уважению к его авторитету, мы должны отметить, что очевидно не обошлось без сугубо личного конфликта, вполне возможно вызванного психоаналитической ситуацией. Нарушение сеттинга, споры с аналитиком принято рассматривать как явные признаки сопротивления. Впрочем, противоречия между Левенштейном и Лаканом, не было сугубо противостоянием двух во многом разных людей: можно предположить, что противостояние имело и «теоретическую» сторону, и было частным случаем войны двух больших психоаналитических партий, характер которых мы опишем несколько позже.

К тому же, Левенштейн анализировал, например, таких выдающихся деятелей французского психоанализа как С.Нашт, Д.Лагаш, и они, насколько мы можем судить, не критиковали Левенштейна. В пользу качеств Левенштейна, говорит и то, что несмотря на противоречия Лакан сохранял, или по крайней мере, пытался, доброжелательные отношения с Левенштейном. Так, 14 июля 1953 года, после событий первого раскола, он пишет письмо, в котором рассказывает «Лео» о событиях. Письмо написано в целом, в приветливом дружеском тоне, а завершается такими словами:

«Знайте, Лео, что, если вы приедете во Францию до или после Конгресса, мы с женой будем рады вам, и я буду счастлив, если вы посетите со своей супругой наш загородный дом, куда я вас давно приглашал. Я бы смог рассказать вам гораздо больше о том, чего мы все ожидаем от предстоящей работы. (...) Будьте уверены, однако, что наша преданность вам остается неизменной»⁶.

«Теоретическая война» между психоаналитиками, была, к сожалению, не единственной. Первого сентября 1939 года началась Вторая мировая. Германия нападает на Польшу, и в Европе разгорается масштабная война. Во Франции готовятся к войне, мобилизации подлежат так же и врачи. Левенштейн начинает службу в качестве военного врача, но после перемирия вынужден бежать на юг Франции, в Марсель. Оттуда он переезжает в Швейцарию, где вновь после учебы в Берлине, встречается с Хайнцем Гартманом. Понимая, что власть нацистов распространяется очень быстро, и по всей видимости, надолго, они в 1942 году уезжает в США. «Французский» этап жизни Левенштейна окончился, начался наиболее плодотворный – «американский».

Несомненно, мы можем представить насколько непросто было Левенштейну – человеку, который в который раз менял страну и был вынужден начать все с самого начала. С другой стороны, насколько мы можем судить, эти обстоятельства Левенштейн сумел превратить в сильную сторону, на месте национальной идентичности, появилась наднациональная идентичность, идентичность психоаналитика. «Мой адрес – не дом и не улица». Скоро Левенштейн навсегда пропишется в Международной Психоаналитической ассоциации...

В 1946 году Рудольф Левенштейн женится на Элизабет Р. Гелерд (Elisabeth R. Geleerd, 1909 - 1969), которая также была врачом и психоаналитиком, родом из Голландии. В 1936-1940 годах она обучалась психоанализу в Вене и Лондоне, а по окончании обучения уехала в США, где, вероятно, и познакомилась с таким же мигрантом Рудольфом Левенштейном.

⁴ А. Дьяков - Жак Лакан, с.61

⁵ E. Roudinesco - Jacques Lacan, p.70

⁶ J. Lacan – Television, p.65

В теоретическом плане, как известно, Левенштейн был сторонником «Я-психологии» («Эго-психологии»). Он был одним из «одаренной троицы»⁷, куда кроме него входили Хайнц Гартманн и Эрнст Крис. В сороковых годах они осели в Нью-Йорке, и пользуясь относительно небольшим авторитетом и опытом своих американских коллег, возглавили местные психоаналитические объединения, которые уже существовали, например, в Нью-Йорке или Чикаго. Вместе с властью, распространялась и доктрина: психоанализ казался идеальной основой для масштабной и всеобъемлющей психологической системы. Кроме того, несомненно интересным кажется тот факт, что больше всего об «адаптации» говорили, как раз те, кто пережил эту проблему – мигранты из Европы.

Примером совместной работы трех психоаналитиков – Левенштейна, Криса и Гартманна, может выступать статья «Заметки о теории агрессии», вышедшая в 1947 году. В ней авторы делали попытку обобщить и проанализировать фрейдовское понимание этой проблемы, а также дополнить ее собственными представлениями. Они говорили, о том, что как только проблема агрессии достигла своего наибольшего развития в творчестве Фрейда, то затем он почему-то перестал уделять этой проблеме достаточно внимания. «Фрейд сделал свое собственное «сопротивление» ответственным за эту паузу»⁸ - утверждают они.

Но, необходимо вспомнить о том конфликте, который непроизвольно возник еще в межвоенный период в психоаналитической среде, участниками которого были и Лакан, и Левенштейн. Дело в том, что ряд аналитиков стал опираться на более поздние работы Фрейда, в которых роль «Я» стала куда более значительна. Как уже должно быть понял читатель, речь идет о формировании т.н. школы «Я-психологии», во главе с Анной Фрейд. Во главе психической жизни было поставлено человеческое «Я», а психика служила в основном целям адаптации ко внешнему миру.

Я-психологам противостояли аналитики, чей лидер – Лакан – как мы знаем, не уставал всячески критиковать новомодную американскую теорию: «...В первую очередь тут нужно отметить недавние наработки по теории эго тройки американских исследователей - Гартмана, Левенштейна и Криса. Эти работы порой весьма озадачивают своего рода умножением понятий. В них беспрестанно говорится о "десекуализированном" либидо - едва ли не "делибидинизированном" - или о "дезагрессивированной" агрессивности»⁹. Человек, как считали противники Я-психологии, не сам приспосабливается к действительности, а формирует вокруг себя собственную реальность. И это самое «Я», которое появляется вместе с реальностью – скорее «двойник», с которым человек сам себя может ассоциировать.

Концептуально система Я-психологии была наиболее полно представлена на Конгрессе франкоязычных психоаналитиков, состоявшемся в Париж в 1965 году.

Однако, кроме теоретических работ, Левенштейн исследует и ряд других проблем, которые сегодня принято называть «остро-социальными», а именно проблему антисемитизма. В 1952 году он издает книгу «Psychanalyse de l'Antisemitisme» - «Психоанализ антисемитизма». В английском переводе книга изменила свое название на «Christians and jews. A Psychoanalytic Study» (на русский не переведена).

Левенштейн начал работу над ней еще в 1941 году во Франции, после встречи с Мари Бонапарт, во время которой они затронули вопросы гонения на евреев. Со временем Левенштейн объединил свои черновики, однако заканчивал рукопись уже в США, правда – на французском языке. Не без иронии Левенштейн писал: «...гораздо

⁷ Malcolm J. - Psychoanalysis: the impossible profession, p. 8

⁸ H. Hartmann, E. Kris, R. M. Loewenstein - Notes on the Theory of Aggression// <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00797308.1947.11823076>

⁹ Ж. Лакан - Семинар, книга 1, с.214

легче перевести текст, чем переписать на хорошем английском то, что было написано на плохом английском. Вот почему я продолжал писать на французском языке, даже после того, как я переехал в эту страну»¹⁰.

Антисемитизм рассматривается автором сразу с нескольких точек зрения – таких как параноидальное образование, и как проявление скрытых садо-мазохистических тенденций; однако, основным механизмом задействованный в образовании антисемитизма это проекция, наподобие той, когда «средневековый монах, который видел в каждой красивой женщине воплощение сатаны, проецировал свои собственные подавленные желания»¹¹. Однако, кроме констатации фактов, Левенштейн объясняет и саму причину феномена – как и поздний Фрейд, он видит причину антисемитизма в культуре, а именно – христианской, построенной на церковной догме. Христос и в его лице христианство было предано и распято евреями. Бессознательное, как полагает Левенштейн, усваивает этот образ, это приходит с началом школьного образования, и в дальнейшем только сильнее усваивается: «Евреи, которые описаны в Евангелии неверующими палачами Христа, становятся в воображении ребенка символами разрушительных инстинктов, воплощающих все негативное, что подавляет ребенок в себе самом. С другой стороны, так как христианского ребенка идентифицируют с сыном Бога, Богом-Отцом, который признается евреями, то и Бог становится связанным в сознании с евреями. Отныне «евреи» запечатлеваются в памяти как «старцы», старшее поколение - иными словами, они становятся преобразованным изображением своего отца. Таким образом, древний конфликт между Христом и евреями, которые имел место девятьсот лет назад, отражает архаический конфликт ребенка с отцом, и становится бессознательным символом его (ребенка – Д.Л.) Эдипова комплекса»¹².

Выходит, что бессознательный антисемитизм, который демонстрировали некоторые пациенты Левенштейну – если ничто иное, как продолжение эдипальных конфликтов и попыткой их разрешить, совершив не символическое, но буквальное убийство отца. Однако, нельзя не отметить известную настойчивость Левенштейна в своих выводах: «В некоторый момент в ходе аналитического лечения почти у всех нееврейских пациентов будет проявляться в той или иной степени антисемитизм»¹³. Имеют ли под собой основание такие выводы, или же они являются следствием исторической ситуации – решать, несомненно, уже самим практикующим аналитикам.

Левенштейну была свойственна известная предприимчивость, которая не раз выручала его и заставляла двигаться вперед, всякий раз начиная все с нуля. Это качество очень скоро помогло ему начать в Америке не только практику и научную работу, но и также построить карьеру: в период 1950-1952 годов он был президентом Нью-Йоркского психоаналитического института, через несколько лет он станет секретарем, а затем и президентом Нью-Йоркского психоаналитического общества (1959-1961), в период с 1957-1958 годов Левенштейн был лидером Американской психоаналитической ассоциации, а в 1965 - 1967 году был вице-президентом МПА.

Левенштейн много работал, как в качестве аналитика, так и супервизора. Своим трудом он заслужил уважение коллег и снискал славу одного из наиболее значительных американских аналитиков. Он умирает в 1976 году в Нью-Йорке; и можно сказать, что смерть он встречает счастливым человеком – отрадно умирать, понимая, что твое наследие переживет тебя.

¹⁰ Loewenstein R. - Christians and jews: a psychoanalytic study, p.9

¹¹ Loewenstein R. - Christians and jews: a psychoanalytic study, p. 33

¹² Loewenstein R. - Christians and jews: a psychoanalytic study, p. 40

¹³ Loewenstein R. - Christians and jews: a psychoanalytic study, p. 30

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

Janet Malcolm - Psychoanalysis: the impossible profession. – New-York, 1980.

H. Hartmann, E. Kris, R. M. Loewenstein - Notes on the Theory of Aggression//
<http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00797308.1947.11823076>

International dictionary of psychoanalysis. Editor in chief - Alain De Mijolla, Thomson Gale, 2005.

Lacan J. Television: a challenge to the establishment. – New-York, London. – 1990.

Loewenstein R. Christians and jews: a psychoanalytic study. - Presses Universitaires de France, Paris – 1951.

Elisabeth R. Geleerd Papers - A Finding Aid to the Papers in the Sigmund Freud Collection in the Library of Congress - Washington, D.C., 2009 // hdl.loc.gov

Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/54)). - М., 2009.

Roudinesco E. Jacques Lacan., New-York, Columbia University Press. – 1997.

Дьяков В.А. Жак Лакан. Фигура философа. М., 2010.

